

ПАМЯТНИК В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

И. А. Аполлонов

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

e-mail: obligo@yandex.ru

А. А. Хлевов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

e-mail: hlevov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема взаимосвязи исторических монументов и исторической памяти. Цель статьи: рассмотреть герменевтическое значение памятников. В данном контексте скульптурное изображение рассматривается как особый способ осмысления прошлого и интерпретации истории. Подобный подход предполагает использование герменевтической методологии в изучении исторических монументов, при которой памятники предстают утверждением определённых ценностей и идей. Идеи, выраженные в памятниках, связывают прошлое с настоящим и будущим, являются воплощением идентификационных символов народа и государства. Исследована идеологическая составляющая семантики исторических монументов. Показано, что посредством памятников происходит утверждение определённого политического проекта власти, который обосновывается конструированием соответствующего исторического нарратива. Вместе с тем, памятники предстают сакральными символами исторической памяти в её эссенциальном аспекте, как судьбоносной связи прошлого и настоящего. Рассмотрена диалогическая природа исторической памяти. Обосновано, что главным условием подобной диалогичности является апофатический горизонт исторической правды, позволяющий в многообразии событий прошлого разглядеть единство и целостность исторического процесса. Проникновение в апофатический горизонт правды о прошлом определяет герменевтический потенциал исторического монумента как средства осмысления и концептуализации памяти о прошлом. Рассмотрены смысловые уровни исторического монумента: внешний уровень, обращённый к фактичности исторической личности или события, и художественное содержание памятника, раскрывающая значимость данной фактичности. Семантику первого уровня определяет идеологема, связанная с политикой меморизации. Самоценность этого уровня ведёт к упрощению, схематизму изображения, превращению памятника в простой меморативный знак. Второй уровень предполагает выражение в монументе идейного содержания истории. Подобный уровень осмысления отталкивается от личностных особенностей героя к его конкретно-исторической значимости и универсальным общечеловеческим смыслам. Тем самым, формируется герменевтический круг, в котором наглядная конкретность образа соединяет в себе фактичность исторической личности или события и идейное содержание этой фактичности.

Ключевые слова: исторический монумент, историческая память, войны памятников, идеология и идея, герменевтика скульптуры, памятники вождям белого движения.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства г. Севастополь, проект 20-411-920005 раСевастополь «Опыт осмысления Великой Отечественной войны в пространстве городской культуры (кроссрегиональный анализ: Севастополь – Новороссийск)».

Для цитирования: Аполлонов И. А., Хлевов А. А. Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 4. – С. 76–85. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-76.

MONUMENT IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

I. A. Apollonov

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

e-mail obligo@yandex.ru

A. A. Khlevov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

e-mail hlevov@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between historical monuments and historical memory. The purpose of the article: to consider the hermeneutical significance of monuments. In this context, the

sculptural image is considered as a special way of understanding the past and interpreting history. This approach involves the use of hermeneutical methodology in the study of historical monuments, in which monuments appear to be the assertion of certain values and ideas. The ideas expressed in the monuments connect the past with the present and the future, are the embodiment of the identification symbols of the people and the state. The ideological component of the semantics of historical monuments is investigated. It is shown that the monuments are used to establish a certain political project of power, which is justified by the construction of the corresponding historical narrative. At the same time, monuments appear as sacred symbols of historical memory in its essential aspect, as a fateful connection between the past and the present. The dialogical nature of historical memory is considered. It is proved that the main condition for such dialogicality is the apophatic horizon of historical truth, which allows us to see the unity and integrity of the historical process in the diversity of past events. The penetration into the apophatic horizon of the truth about the past determines the hermeneutic potential of the historical monument as a means of understanding and conceptualizing the memory of the past. The author considers the semantic levels of a historical monument: the external level, which addresses the facticity of a historical person or event, and the artistic content of the monument, which reveals the significance of this facticity. The semantics of the first level is determined by the ideologue associated with the policy of memorization. The intrinsic value of this level leads to simplification, schematization of the image, turning the monument into a simple memorative sign. The second level involves the expression of the ideological content of history in the monument. Such a level of understanding is based on the personal characteristics of the hero to his specific historical significance and universal universal meanings. Thus, a hermeneutic circle is formed, in which the visual concreteness of the image combines the facticity of a historical person or event and the ideological content of this facticity.

Key words: historical monument; historical memory; wars of monuments; ideology and idea; hermeneutics of sculpture; monuments to the leaders of the white movement.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the RFBR and the government of Sevastopol, project 20-411-920005 Rasevastopol «Experience of understanding the Great Patriotic War in the space of urban culture (cross-regional analysis: Sevastopol – Novorossiysk)».

Cite as: Apollonov, I. A., Khlevov, A. A. (2021) [Monument in the context of historical memory]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 76–85. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-76.

Введение

Памятные монументы – наиболее явное, зримое и весомое выражение исторической памяти. Особенно явно это высвечивается в переломные моменты истории народа и государства, когда не только его будущее, но и прошлое становится неопределённым и непредсказуемым. И такие периоды нередко перерастают в «войну памятников»: массовое ниспровержение прежних и не менее массовое установление новых монументов или же, что встречается гораздо реже, переосмыслением, «перекодировкой» уже имеющихся памятников. К примеру, обелиск в честь 300-летия дома Романовых, установленный в Александровском саду, в 1918 году был переделан в памятник революционным мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся.

Таким образом, памятник – это не только эстетическая доминанта культурного ландшафта. Монументы несут в себе мощную семантическую нагрузку, которая остаётся злободневной, поскольку задевает темпоральные основания бытия человека. Поэтому создание и установка памятников, их эстетические достоинства, воплощаемый в них художественный образ, имеют огромное общественное значение, что накладывает ответственность как на заказчика, так и на художника. Особенно актуально это в наше время, когда технологии изготовления памятников упрощаются и, соответственно, становятся доступными.

Памятники и идеология.

Конструктивистский и примордиальный полюсы исторической памяти

Повсеместная распространённость подобных «войн» указывает, в общем-то, на тривиальную мысль об идеологической и политической ангажированности создаваемых памятников: «Монументальная скульптура идеологически всегда связана с господствующей политической силой» [13, с. 12]. Ведь монументы устанавливаются, как правило, по прямому заказу властей. Но даже если они и устанавливаются на частные и народные пожертвования, то всё равно требуется молчаливое согласие и одобрение власть имущих. К примеру, Александр III запретил возводить памятные монументы финским солдатам, сражавшимся на стороне Швеции в Русско-Шведских войнах [7, с. 127]. В данном контексте монументальные произведения представляют собой не просто память о прошлом, а символическое утверждение ценностных доминант той или иной социальной традиции (национальной, конфессиональной, партийно-политической и др.), и представляют собой её зримые идентификационные маркеры.

Соответственно, памятные монументы обращены не только в прошлое, но и в будущее. Монументальное искусство в данном контексте представляет собой визуализацию идеи прошлого, настоящего и будущего одновременно [5, с. 28]. Причём в от-

ношении этих временных модусов можно увидеть некоторую симметрию, что, конечно, не случайно. Ведь утверждение определённого контента памяти о прошлом санкционирует и оправдывает соответствующий проект будущего. Вместе с тем, иная идеология в проекте будущего по природе своей находится в антагонизме не только с актуальным настоящим, но и с той традицией, которая обосновывает и оправдывает утвердившиеся и господствующие социокультурные и политические паттерны сегодняшнего дня.

Подобная очевидность политической и идеологической ангажированности памятников обращает нас к столь же очевидному конструктивистскому подходу к рассмотрению истории, согласно которому память о прошлом формируется посредством отбора событий, одни из которых предаются забвению, а другие подчёркиваются и превращаются в символы групповой идентичности [9, с. 7]. При таком подходе памятники представляют собой зримые символы подобных конструктов. Таким образом, монументы можно рассматривать в качестве символического утверждения и наглядного выражения определённой идеологии, посредством которой конструируется образ прошлого, его семантика. Соответственно, установка или, наоборот, демонтаж тех или иных памятников является манифестацией и утверждением идеологического дискурса власти. Памятник в данном контексте предстаёт в качестве «замершего на неопределённое время Голема», который используется по воле и усмотрению своего создателя [15]. При этом создателем памятника считается, конечно же, не мастер – скульптор или архитектор, а политик, санкционировавший установку монумента. В данном контексте осмысление памятников акцентирует, какой личности или событию, кем, где и когда был установлен соответствующий монумент. Памятник при этом рассматривается своеобразной «заплаткой на исторической ткани», а его функция сводится к дублированию угодного властям школьного учебника [6, с. 344].

В свою очередь, конструктивизм в отношении к прошлому не является лишь средством оправдания и утверждения актуальной для власти идеологии. Исторические конструкты направлены, прежде всего, на формирование желаемого содержания национальной идентичности человека. В русле конструктивизма подобная идентичность сводится к самосознанию человека и представляет собой внедрённые в сознание коллективные мифы об общем происхождении и общей исторической памяти и основанные на них спекуляции о национальном характере, менталитете и т. п. Конструкция из таких мифов вызывает чувство групповой сплочённости и способна мобилизовать людей на совместные действия [11, с. 233].

Конструктивистский подход к истории предполагает сведение памяти к набору отдельных семантических единиц: личностей, фактов, событий, из которых можно составить тот или иной текст, определяющий содержание и ценностные ориентиры национальной идентичности. При этом памятники и монументы можно рассматривать как манифестации таких единиц, своеобразные иллюстрации к подобному тексту, или даже его титульные листы.

Вместе с тем, конструктивистский подход имеет ряд ограничений, что признают сами представители данной парадигмы: «прошлое в некоторых отношениях упорно сопротивляется попыткам его перекроить» [17, р. 107]. Так, Роджес Брубейкер показывает, что память о революционно-освободительной борьбе 1848 года на протяжении полутора столетий занимает центральное место в национальном самосознании венгров, несмотря на различные отношения политической и интеллектуальной элиты к оценке этих событий. Но для словаков и румын, которые тоже принимали участие в данных событиях, память о них не имеет идентификационного значения и, несмотря на спорадические усилия «инженеров» исторической памяти, не особо затрагивает национальное самосознание этих народов [3, с. 294].

В аспекте памятников в подобном контексте показателен пример неудавшейся попытки увековечить личность Карла Маннергейма. В 2016 году в Санкт-Петербурге была торжественно открыта посвящённая ему мемориальная доска, позиционирующая будущего фельдмаршала Финляндии как генерал-лейтенанта русской императорской армии. Но, несмотря на то, что памятник был открыт в присутствии представителей и атрибутов высшей государственной власти (главы администрации президента Сергея Иванова и министра культуры Владимира Мединского, а также роты почётного караула), буквально спустя 4 месяца, после многочисленных возмущений и акций протеста эта мемориальная доска была демонтирована [14, с. 301].

Соответственно, историческую память народа нельзя свести лишь к искусственно созданному социальному конструкту, который можно произвольно «пересобирать». Коллективная память о прошлом аккумулирует знание о тех существенно важных событиях истории, которые обладают особой сакральной значимостью, определяющей ценностные доминанты традиции и, тем самым, её устойчивость. Такие знания выступают важнейшими идентификационными символами народного «мы», с которым ощущает свою сущностную родовую связь личностное «я» человека. В них представлен эссенциальный полнос исторической памяти, при котором не история конструируется сознательными усилиями идеологов, а, наоборот, историческая память предстаёт тем смысловым пространством,

в котором формируется историческое сознание человека, его национальная идентичность, ценностные ориентиры его бытия в мире [2, с. 236]. И монументы представляют собой зримые сакральные символы этого полюса исторической памяти.

Конструктивистский и эссенциальный или примордиальный полюса исторической памяти не противоречат друг другу. Описанные выше примеры их антагонизма скорее исключение, чем правило. И такие исключения происходят тогда, когда создаваемые конструкты истории выходят за рамки естественной для народа событийной сферы исторической памяти. Внутри же этой сферы они не просто взаимодополняются, а взаимопроникают друг в друга. Однако взаимосвязь данных полюсов нельзя свести к простой схеме, в которой эссенциальное измерение исторической памяти предстаёт лишь хранилищем информации о прошлом, из которого черпается материал для конструирования тех или иных исторических нарративов.

Историческая память народа в её эссенциальном измерении не является простой суммой знаний о событиях прошлого. Ей свойственна, с одной стороны, избирательность, при которой акцентируются одни исторические события и игнорируются другие [12, с. 4]. С другой стороны, подобная избирательность имманентно несёт в себе первичную оценку и предистолкованность этих событий, поскольку в ней отбираются события судьбоносные, определяющие бытие народа, его историческую и метафизическую значимость.

Вместе с тем, историческая память неоднородна и представляет собой многоуровневую иерархичную структуру, в которой можно различить уровень актуальный, активно используемый в настоящем, и многочисленные латентные слои, к которым обращаются довольно редко. Причём данные уровни подвижны и культурно-историческая память народа подобна синусоиде, в которой чередуются «как бы забывание» и «припоминание» [8, с. 200]. Причём, с одной стороны, движение подобной синусоиды связано с актуальными запросами современности, но, с другой стороны, в этом движении проявляется креативность самой исторической памяти, поскольку обращение к прошлому неразрывно связано с порождением новых явлений социокультурной жизни народа. В данном контексте историческая память представляет собой «не склад, а генератор», поскольку прошлое в ней не хранится, а прорастает будущим [8, с. 202].

Памятники в контексте диалога с прошлым

Креативность памяти связана с её диалогичной природой: ведь присущая ей предистолкованность исторических событий соткана из множества сомнений и поэтому таит в себе возможность самых различных, вплоть до диаметрально противополо-

жных оценок и истолкований. Подобная диалогичность определяет живую энергию исторической памяти, которая противостоит мертвящей силе идеологического монолога в толковании истории. Вхождение в такой диалог предполагает участный, личностный характер её носителей, которые обретают собственную субъектную позицию и, тем самым, перестают быть лишь объектами идеологического воздействия. В подобном диалоге формируется исторический опыт человека, переживание своей генетической связи и, вместе с тем, онтологической дистанции с прошлым своего народа, своей страны.

Диалогическая природа исторической памяти несёт в себе ещё одно очень важное свойство, отличающее настоящий диалог с прошлым от какофонии ширящегося множества сконструированных исторических интерпретаций, которые стараются не услышать, а перекричать друг друга. Настоящий диалог возможен лишь в едином смысловом пространстве, способном увязать многообразие различных точек зрения и оценок событий прошлого. Такое пространство образует апофатический горизонт исторической правды, истины того, что было, сбилось и, тем самым, определило то, кто мы есть. И в таком диалоге плодотворны даже разногласия. Ведь если возражения корректны, то они продвигают понимание правды истории, показывают её сложный, многомерный характер [16, с. 284].

Причём подобная истина не сводится лишь к набору верифицированных фактов о прошлом. Важнейшей чертой истины истории является нравственная оценка фактов прошлого, попытка ухватить их внутреннее идейное содержание, определяющее энтелехию события, с которой связан его подлинный смысл и целостность исторического процесса. В апофатическом горизонте такой идеи история обретает особое метафизическое измерение, сопрягающее прошлое с настоящим и будущим. Поэтому жизнеспособность создаваемых идеологами исторических конструкций напрямую зависит от согласованности с идейной основой исторической памяти, её ценностно-смысловым содержанием. Вместе с тем, подобные конструкты являются тем инструментом, с помощью которого можно активизировать, раскрыть, озвучить скрытые латентные слои памяти и, тем самым, они двигают вперёд синусоиду исторической памяти. В данном контексте можно говорить уже не об искусственно созданном конструкте, который жёстко подчинён определённой идеологеме, а о концепте, в котором схватывается идея истории. Мемориальные монументы тоже обращены в метафизическое пространство исторической памяти, поскольку они представляют собой не только манифестацию прошлого в настоящем, но и сопрягают его с вечностью: ведь главная цель такого памятника – увековечить.

Герменевтика памятников

Здесь мы подходим к герменевтическому основанию памятника, который предстаёт не только эстетическим объектом, но и особым способом осмысления истории, выстраивания памяти о прошлом. В этом основании можно выделить линии смыслового напряжения памятника: диахронную, обращённую к прошлому, к фактичности исторического героя или события; синхронную, направленную к современникам, хранящим память о прошлом; и метафизическую, выводящую смысл истории в пространство идей и вневременных ценностей. Две первые линии взаимосвязаны, объединены идеологемой, которая и определяет создание памятника, его установку. Значимость событий прошлого, его героев в реалиях сегодняшнего дня, причём в контексте определённого политического проекта, которому памятник придаёт темпоральную перспективу. Метафизическая линия обращена к идейному горизонту исторической памяти, определяющей глубину произведения, его истину. Тем самым, противоречивое единство идеологии – идеи образует своеобразный герменевтический круг в смысловом пространстве мемориала.

В контексте данного круга можно говорить о нескольких семантических уровнях монумента, несущего в себе смыслы исторической памяти как особого бытия культуры и бытия человека как культурного существа. Первый, внешний уровень подобной семантики связан с рассмотрением памятника в качестве зримого акта манифестации памяти о прошлом. На этом уровне главным является сам факт установки соответствующего памятника. Памятник при этом рассматривается в своей простой формальности – как факт, определяющий, достойна или недостойна увековечивания та или иная историческая персона.

Подобный уровень предельно идеологичен, поскольку простая фактичность меморизации той или иной стороны прошлого выражает определённую политику памяти. Так, политический тренд на строительство государства-нации требовал обращения к историческим корням народа, что, примерно в одно и то же время, привело к установке памятников легендарным «отцам нации», героям туманного прошлого: князю Владимиру в Киеве (скульптор П. Клодт, 1853 г.), древнегерманскому вождю Арминию, победителю римлян в Тевтобургском лесу (скульптор Э. фон Бандель, 1875 г.), галльскому вождю Верцингеторигу в Алезии (скульптор Э. Милле, 1867 г.), галльскому вождю Амбиориксу, сражавшемуся с Цезарем в Бельгии (скульптор Ж. Бертин, 1866 г.), восставшей против римлян Боудикке с дочерьми в Лондоне (создана Т. Торникрофтом в 1856–1883 гг., уст. в 1902 г.) и др.

Вместе с тем, в политике меморизации существуют и немаловажные фигуры *non grata*. К примеру, на грандиозном памятнике «Тысячелетие России»

(М. О. Микешин, 1862 г.), символизирующем целостность и непрерывность истории нашего государства, не нашлось места такой знаковой для российской истории фигуре, как Иван Грозный, поскольку его образ, ассоциирующийся с террором и тиранией, резко контрастировал с эпохой либеральных реформ Александра II. Причем, акты меморизации именно таких исторических фигур, фигур противоречивых (впрочем, непротиворечивых исторических личностей крайне мало) и, особенно, фигур доселе табуированных, вызывающих особый общественный резонанс, наиболее ярко выражают трансформацию идеологического вектора во властном дискурсе прошлого.

В современной России к таким мемориалам относятся памятники вождям белогвардейского движения: памятник генералу С. Л. Маркову в Сальске (скульпторы В. и Д. Суровцевы, 2003 г.), адмиралу Колчаку в Иркутске (скульптор В. М. Клыков, 2004 г.), генералу Лавру Корнилову в Краснодаре (скульпторы А. П. Корнаев и В. П. Пчелин, 2013 г.), генералу Врангелю в Керчи (скульптор А. В. Клыков, 2016 г.). В самом факте установки этих памятников прослеживается идеологема исторической преемственности современной России с Россией дореволюционной, главным образом, имперской, за которую бились белые генералы. В этом деле не обошлось и без эпатажных крайностей. Выше уже рассматривалась история с мемориальной доской генералу Маннергейму. Ещё более скандальной стала история с установкой в станице Елановской 4-х метрового памятника генералу Краснову (скульптор К. Р. Чернявский, 2007 г.), активно сотрудничавшему в годы Великой Отечественной войны с военно-политической верхушкой нацистской Германии. После многочисленных судебных исков удалось лишь снять с монумента именную табличку, превратив его в памятник абстрактному казачьему атаману.

Однако в монументе, особенно в памятнике, ключевой для понимания прошлого является содержательная, эстетическая сторона. В данном контексте показательны негативные отзывы, выявленные в исследовании восприятия памятников Москвы. Такие отзывы получили монумент Пётра I работы З. Церетели, памятники Г. К. Жукову (автор В. М. Клыков), М. А. Шолохову, Ф. М. Достоевскому (оба – работы А. И. Руквишниковой), Пушкину и Натали (скульпторы А. и И. Бургановы), Б. Ш. Окуджаве (скульптор Г. Франгулян) и др. Как мы видим, эти памятники посвящены личностям, значимость которых общепризнанна и достойна увековечивания. Негативное восприятие здесь связано, прежде всего, с эстетической несостоятельностью, или же сложной и непонятной трактовкой этих образов [10, с. 361].

Таким образом, в памятнике зачастую недостаточно простого факта увековечивания. Не менее

важна эстетическая сторона произведения, определяющая содержание художественного образа. Именно в ней, в общей композиции памятника, его пластических решениях находит своё воплощение осмысление истории, выражение значимости исторических событий и исторических личностей. В данном контексте художественная правда памятника сопряжена с правдой истории. Более того, они взаимно проясняют суть друг друга, запускают обоим значенный выше герменевтический круг в понимании памятников. Подобный круг представляет собой циркуляцию смыслов, разворачивающуюся от указания на внешнюю фактичность события и персонажа к интерпретации этой фактичности. Интерпретация, в свою очередь, движется от идеологии к идее.

Идеологическая нагрузка памятника, как отмечалось выше, связана, главным образом, с фактом его установки, в котором имплицитно утверждается правильность объекта меморизации, его важность, идентификационная значимость, достойная увековечивания, что должно придавать монументу возвышенный и даже сакральный характер. Тем самым, представленный в памятнике исторический авторитет подкрепляет аподиктический характер базовых постулатов дискурса властей. Вместе с тем, идеологическая выдержанность изображений требует и однозначности в их интерпретации, что приводит к формированию определённого канона. Причём подавляющее господство идеологемы ведёт к выхолащиванию художественного содержания памятника, тенденции к схематизации канона, который становится всё более привычным и узнаваемым, превращаясь в простой меморативный знак. Параллельно этому происходит и уплощение восприятия исторической реальности до простой черно-белой схемы.

Однако когда заказ власти соединяется с талантом настоящего мастера, способного вдохнуть жизнь в официальные символы, сделать их идентифицирующими символами социокультурного пространства [1, с. 20]. Оживляет простую знаковую монумента обращение к идее, как основе интерпретации прошлого в метафизическом пространстве смыслов и ценностей. В этом и состоит возвышенный смысл мимесиса, подражания не внешним, телесным формам, а обращения к идеальным прототипам, в которых заключена их истинная суть. В этом плане смысл художественного образа сродни философскому произведению, поскольку в нем тоже происходит схватывание, концептуализация идейного содержания действительности. К примеру, в знаменитой статуе Мирона «Дискобол» можно увидеть наглядное выражение диалектических метафор диалектики Гераклита [4].

Соответственно, в памятниках происходит осмысление и концептуализация идейного горизонта исторических событий и личностей. Представленный в них художественный образ соединяет в себе

семантику первого, внешнего порядка, указывающую на историческую личность или событие, и всё более глубокие семантические слои, в которых схватывается конкретно-историческое значение объекта меморизации, его идейный смысл. При этом выразительность художественного образа придаёт подобной концептуализации мощный эмоциональный заряд.

Осмысление и концептуализацию истории в монументах можно рассмотреть на примере указанных выше памятников вождям белого движения. Так, в образе атамана Краснова (по этическим соображениям фото памятника не приведено) максимально выражена идея белого рванца. Эту идею передаёт общая динамика фигуры: прежде всего, энергичный жест правой руки, вздымающей шестопёр – атрибут атаманской власти. Поддерживает этот жест распахнутая шинель, напоминающая царскую мантию. Тем самым, композиция несёт в себе пафос державности и самовласти. Вместе с тем, скульптору удалось передать в образе фанатичную одержимость идеей, которая поглощает человека, предопределяет его бесславный конец. Напряжённый взгляд, устремлённый вверх голов и искажающий черты лица; занесённый вверх, крепко сжатый шестопёр обретает свой первичный смысл грозного дробящего оружия, занесённого для удара. Отсюда и другой смысл обретает движение фигуры: в величественном шествии атамана видна готовность идти к своей цели по головам, не считаясь с жертвами и препятствиями.

В памятнике С. Л. Маркову (фото 1) представлена иная трактовка героя белого движения. Скульпторы мастерски передают характер боевого генерала, отличавшегося бесстрашием и личной храбростью. Отсюда напряжённая динамика фигуры, запечатлённой в порыве атаки. Герой здесь неотделим от героического действия. При этом авторы отказались от линейности такого порыва и придали ему сложное, винтообразное движение. Тем самым передана стихия «вихря яростных атак» и, вместе с тем, и драматизм этих «вихрей», запутывающих, затягивающих в свой водоворот человеческие судьбы.

Совсем по-иному раскрывают тему гражданской войны два других монумента. В них мастерски воплощена трагичность событий в преломлении личной трагедии человека. Памятник Колчаку (фото 2) показывает человека, стоящего у последней черты своей драматической жизни. Обнаженная голова, сосредоточенный взгляд, обращённый в глубину себя, давящая на плечи тяжесть шинели, как груз ответственности за Россию, свергнутую в пучину братоубийственной войны, создают мощный образ, воплощающий идею покаяния и примирения. Этот посыл поддерживают рельефы постаментов, на котором красноармеец и белогвардеец опускают свои винтовки.

Фото 1. Памятник генералу С. Л. Маркову в Сальске
Источник: взято из открытых источников

Фото 2. Памятник Колчаку в Иркутске.
Источник: взято из открытых источников

Фото 3. Памятник Лавру Корнилову в Краснодаре.
Источник: фото сделано И. А. Аполлоновым

Идея трагичности гражданской войны, но с другими символическими и пластическими решениями воплощена в мемориальном комплексе на месте гибели Лавра Корнилова (фото 3, 4). Памятник генералу передаёт образ лидера, решительного, волевого, умного человека. Мощной пластической выразительностью обладает общая композиция памятника: генерал пытается укутаться в старую царскую шинель, полы которой распахивает ветер. Скульптура, несмотря на, казалось бы, статичность позы, наполнена внутренним динамизмом: фигура генерала твёрдо стоит на ногах, но его корпус чуть подан вперёд, энергичный поворот головы, печальный, пронзительный взгляд, пытающийся разглядеть драматизм судьбы своей страны, своего народа.

Созданный образ несёт в себе глубокую, экзистенциальную трагичность, как самой личности, так и эпохи. И эту трагичность усиливают осёдланные лошади, потерявшие своих седоков. Скульпторы мастерски передали их растерянность и смятение.

Заключение

Как мы видим, монументы не просто напоминают о героях белого движения. Они являются мощным инструментом интерпретации переломных для нашей страны событий гражданской войны. При этом созданные образы воплощают совершенно

Фото 4. Мемориальный комплекс на месте гибели генерала Л. Корнилова, г. Краснодар
Источник: фото сделано И. А. Аполлоновым

разные векторы осмысления одного и того же события. При этом памятники не просто дублируют или иллюстрируют соответствующие идеологические конструкты, но являются самостоятельным средством концептуализации исторической памяти, выявления идейного измерения событий прошлого. При этом подобная концептуализация достигается наглядностью художественного образа. И именно конкретность такого образа позволяет вскрыть

смысловые глубины исторической памяти, проявить незримую суть фактов истории.

Таким образом, герменевтическое измерение исторического монумента представляет собой прояснение сути прошлого посредством художественного образа и осмысление художественного образа в контексте исторической памяти как особого измерения бытия культуры и бытия человека как существа культурно-исторического.

Литература

1. Аманжолова Д. А. «...Единственная красота – это правда, которая становится зримой» (городская скульптура как фактор конструирования этнической и гражданской идентичности в постсоветских обществах) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 4. С. 18–28.
2. Аполлонов И. А., Тарба И. Д. Национальная идентичность и исторический опыт в контексте глобализации // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2015. № 6. С. 218–231.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. «Дискобол» Мирона как репрезентант диалектики Гераклита // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 142–147.
5. Кирчанов М. В. Монументальное искусство как изобретенная традиция национализма (визуализация национальных идентичностей в тюркских и финно-угорских республиках) // Актуальные проблемы монументального искусства. Сборник научных трудов. Кафедра монументального искусства Института дизайна и искусств СПбГУПТД. Санкт-Петербург, 2020. С. 25–31.
6. Котломанов А. О. Монументальность новой русской скульптуры. Эпизод 1: памятник князю Владимиру // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. – 2017. Т. 7. Вып. 3. С. 342–359.
7. Лапин В. В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. № 1. 2014. С. 122–145.
8. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении. // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 200–202.
9. Репина Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Вып. 21, 2007. – С. 5–21.
10. Святославский А. В. Городской монумент как объект восприятия (некоторые аспекты современной мемориальной культуры) // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2. Вып. 1. С. 356–364.
11. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика М., Наука, 2001. 240 с.
12. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. – С. 3–14.
13. Федудин А. А., Багдасарян В. Э. Монументальная скульптура и борьба идеологий: история и актуальные вызовы // Современные проблемы сервиса и туризма. Вып. 4. Т. 7. 2013. С. 11–17.
14. Черняев В. Ю. 150 лет Маннергейму // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1(17). С. 298–310.
15. Шарова В. Л. Философия неодушевленного: историческая память и памятники в национальном нарративе. Несколько сюжетов из российского опыта // Полилог. Т. 2. № 1. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000028-2-1/> (дата обращения: 26.04.2021).

16. Gutschmandt H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 33. Вып. 3. 2017. С. 282–288.
17. Schudson M. The present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. № 11. P. 105–113.

References

1. Amanzholova, D. A. (2013) [«...The only beauty is the truth that becomes visible» (urban sculpture as a factor in the construction of ethnic and civic identity in post-Soviet societies)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. No 4, pp. 18–28. (In Russ.).
2. Apollonov, I. A., Tarba, I. D. (2015) [National identity and historical experience in the context of globalization]. *Elektronnyj setевой politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU»* [Electronic network polythematic journal «Scientific Works of KubSTU»]. No. 6. pp. 218–231. (In Russ.).
3. Brubejker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp*. [Ethnicity without groups] Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 408 p. (In Russ.).
4. ZHukovskij, V. I., Pivovarov, D. V. (2015) [Myron's «Discobolus» as a representative of the Dialectic of Heraclitus], *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intelligence. Innovations. Investment.]. No. 1, pp. 142–147. (In Russ.).
5. Kirchanov, M. V. (2020) [Monumental Art as an Invented Tradition of Nationalism (Visualization of National Identities in the Turkic and Finno-Ugric Republics)]. *Aktual'nye problemy monumental'nogo iskusstva. sbornik nauchnyh trudov. Kafedra monumental'nogo iskusstva Instituta dizajna i iskusstv SPbGUITD* [Actual problems of monumental art. collection of scientific papers. Department of Monumental Art of the Institute of Design and Arts of SPbGUITD]. Sankt-Peterburg, pp. 25–31. (In Russ.).
6. Kotlomanov, A. O. (2017) [The monumentality of the new Russian sculpture. Episode 1: Monument to Prince Vladimir]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of the Saint Petersburg University. Arts.]. Vol. 7, Iss. 3, pp. 342–359. (In Russ.).
7. Lapin, V. V. (2014) [The War of Monuments and the War on Monuments]. *Rossiya XXI* [Russia XXI]. No 1, pp. 122–145. (In Russ.).
8. Lotman, Yu. M. (1992) [Memory in cultural coverage]. *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i*. [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, pp. 200–202. (In Russ.).
9. Repina, L. P. (2007) [Memory and knowledge about the past in the structure of identity]. *Dialog so vremenem* [Dialog with Time]. Vol. 21, pp. 5–21. (In Russ.).
10. Svyatoslavskij, A. V. (2010) [Urban monument as an object of perception (some aspects of modern memorial culture)]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century]. Vol. 2. Iss. 1, pp. 356–364. (In Russ.).
11. Tishkov, V. A. (2001) *Etnologiya i politika. Nauchnaya publicistika*. [Ethnology and politics. Scientific journalism]. Moscow. Science, 240 p. (In Russ.).
12. Toshchenko, Zh. T. (2000) [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i novejšaya istoriya* [New and recent history]. No. 4, pp. 3–14. (In Russ.).
13. Fedulin, A. A., Bagdasaryan, V. E. (2013) [Monumental sculpture and the struggle of ideologies: history and current challenges]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. Iss. 4. Vol. 7, pp. 11–17. (In Russ.).
14. Chernyaev, V. Yu. (2018) [150 years of Mannerheim] *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal]. No. 1(17), pp. 298–310. (In Russ.).
15. Sharova, V. L. (2018) [Philosophy of the inanimate: historical memory and monuments in the national narrative. Several plots from the Russian experience] *Polilog* [Polylog]. Vol. 2. No. 1. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110000028-2-1/> (accessed: 26.04.2021) (In Russ.).
16. Gutschmandt, H. (2017) [Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of the Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology]. Vol. 33. Issue 3, pp. 282–288. (In Engl.).
17. Schudson, M. (1989) The present in the Past versus the Past in the Present. *Communication*. No. 11, pp. 105–113. (In Engl.).

Информация об авторах:

Иван Александрович Аполлонов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1926-8213, **Researcher ID WoS:** AAT-7543-2021, **Scopus Author ID:** 57196045566
e-mail: obligo@yandex.ru

Александр Алексеевич Хлевов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории,

Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

ORCID: 0000-0003-3019-7003, **Scopus Author ID:** 56308637000, **Author ID РИНЦ:** 466620
e-mail: hlevov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 21.06.2021; принята в печать: 02.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ivan Alexandrovich Apollonov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of History, philosophy and psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7425-7349, **Researcher ID:** AAT-7543-2021, **Scopus Author ID:** 57196045566
e-mail oblige@yandex.ru

Aleksander Alekseevich Khlevov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the department of History, Institute of social sciences and international relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3019-7003, **Scopus Author ID:** 56308637000
e-mail: hlevov@mail.ru

The paper was submitted: 21.06.2021.

Accepted for publication: 02.08.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.